

Мгновение спустя человек, которого отправил Се Чэнъи, вернулся:

— Высочество, у лекаря Цзяна не было запроса на лекарственные травы.

Глаза Пэй Цинъяня мгновенно расширились. Он не лгал, он действительно не лгал! Охваченный паникой, он поднял взгляд на лицо Се Чэнъи.

Поверит ли ему высочество?

Вряд ли. В глазах высочества он всего лишь ничтожный, презренный евнух.

Се Чэнъи холодным взглядом посмотрел на Пэй Цинъяня, и тот торопливо опустился на колени:

— Высочество, этот слуга не лгал, этот слуга действительно был отправлен за лекарствами по приказу...

В голосе Пэй Цинъяня слышалось легкое дрожание и страх, который невозможно было скрыть.

— Помнишь того, кто передал слова?

— Помню... этот слуга помнит. — Пэй Цинъянь приподнял голову, его тон был растерянным и тревожным. Он даже прополз на коленях пару шагов, пытаясь коснуться полы одежды Се Чэнъи.

В голове мелькнул последний взгляд высочества из прошлой жизни, и Пэй Цинъянь силой заставил себя остановиться, удержав руку, готовую коснуться ткани.

Он боялся вызвать отвращение у высочества.

— Возьми его с собой и найди этого человека, — Се Чэнъи слегка приподнял бровь, обращаясь к подчиненному.

Пэй Цинъянь в смертном страхе поднялся на ноги и последовал за стражником, чувствуя одновременно волнение и тревогу.

Се Чэнъи шумно и открыто приказал пересчитать все лекарства, а когда небо уже начало темнеть, отправился обратно.

— Высочество, всё готово, — Чжао Цзюань вошел вслед за Се Чэнъи и, закрыв дверь, доложил вполголоса.

— Пора выманивать змею из норы, — на лице Се Чэнъи появилась редкая улыбка.

Лечение легочной чумы стояло на месте, и только устранив эти препятствия, можно было как

следует взяться за борьбу с эпидемией.

Чжао Цзюань с поклоном замер перед столом. Он привычно и изящно ополоснул чашки и заварил чай.

Се Чэнъи бросил на него мимолетный взгляд:

— Завари любой похлебки, не нужно соблюдать дворцовые церемонии.

— Слушаюсь, этот слуга понимает, — отвечая на словах, Чжао Цзюань продолжал скрупулезно и тщательно выполнять свои действия.

Се Чэнъи искоса глянул на него:

— На словах соглашаешься, а сам делаешь по-своему?

Чжао Цзюань заискивающе улыбнулся и протянул чашку чаю Се Чэнъи.

Приняв чашку, Се Чэнъи приподнял бровь:

— Такая услужливость... Уж не натворил ли ты каких глупостей?

— Высочество, — позвал Чжао Цзюань. — Этот слуга в последнее время вел себя очень послушно.

Се Чэнъи насмешливо фыркнул, ничего не ответив. Чжао Цзюань бросил на высочество взгляд и сразу понял, что тот ему не верит.

— Высочество, просто этот слуга заметил, что вы в последнее время совсем перестали ругать меня за бесполезность. — Чжао Цзюань опустился на колени перед Се Чэнъи, улыбаясь, а его глаза сияли так, словно он выпрашивал похвалу. — Высочество, разве этот слуга не стал намного сообразительнее за последнее время?

Глядя на стоящего на коленях человека, Се Чэнъи невольно вспомнил последние слова Чжао Цзюаня из прошлой жизни, и сердце глухо кольнуло от боли.

Но, заметив умоляющий о похвале взгляд Чжао Цзюаня, он усмехнулся:

— Просто мне лень было с тобой возиться.

Чжао Цзюань тут же наглед еще больше:

— Высочество, по мнению этого слуги, вы сейчас говорите одно, а думаете совсем о другом.

Се Чэнъи несильно пнул его:

— Нарываешься?

— Этот слуга подольет высочеству чаю, — расплывшись в улыбке, Чжао Цзюань прошагал на коленях пару шагов вперед и наполнил чашку.

— Встань. — Помимо необходимых повседневных правил и этикета, Се Чэнъи почти никогда не заставлял их стоять на коленях.

— Высочество, у вас в последнее время настроение неважное? — поднимаясь на ноги, осторожно поинтересовался Чжао Цзюань.

Се Чэнъи хмыкнул:

— М?

— В последнее время вы всегда кажетесь рассеянным и плохо спите.

— А ты глазастый, — фыркнул Се Чэнъи. В последнее время он действительно был раздражен из-за появления Пэй Цинъяня.

— Высочество, вас что-то тревожит?

— Начал гадать о мыслях господина? — Се Чэнъи слегка прищурился.

— Этот слуга не смеет, — невинно отозвался Чжао Цзюань. — Этот слуга просто беспокоится о здоровье высочества.

— Сходи проверь, как они справились с поручением, — Се Чэнъи вовсе не собирался рассказывать ему о прошлой жизни.

— Высочество, у вас появились секреты, и вы больше не хотите делиться ими с этим слугой, — с обидой произнес Чжао Цзюань. Раньше высочество рассказывало ему абсолютно всё.

Уж не присмотрел ли высочество себе нового слугу и теперь пренебрегает им?

— Смотрю я на тебя, а ты совсем не изменился.

— Этот слуга виноват, прошу высочество о милосердии, — привычно и умело взмолился о прощении Чжао Цзюань.

— Ступай уже за работу, — Се Чэнъи вовсе не сердился по-настоящему и бросил на него косой взгляд.

Мысленно он прикинул, сколько же Чжао Цзюань следует за ним? Почти десять лет. Тот пришел прислуживать ему, когда Се Чэнъи было всего пять.

Слишком, слишком долго...

Он до сих пор помнил, как выглядел Чжао Цзюань, когда только появился здесь: в его глазах всегда таились робкость и страх.

А теперь...

Се Чэнъи насмешливо хмыкнул:

— Смелости у тебя не занимать.

Лян Чжилин в тревоге мерил шагами комнату. Услышав звук открывающейся двери, он торопился броситься навстречу:

— Ну как? Пятый принц что-нибудь обнаружил?

Мужчина неторопился с поклоном:

— Господин, не беспокойтесь, пятый принц ничего не нашел.

Лян Чжилин с облегчением выдохнул и полулежа рухнул в кресло:

— Вот и слава богу. Но... неужели это и впрямь сработает?

В глазах Линь Ханя мелькнул острый блеск, и он тут же занял место по правую руку от Лян Чжилина:

— Господин, всё будет в порядке. Мы всего лишь немного затянули дело. Даже если наверху начнется расследование, всегда можно списать всё на свирепствующую эпидемию и острую нехватку лекарств.

Лян Чжилин не покидало смутное беспокойство:

— Надеюсь на это.

Если бы в самом начале те глупцы не уверяли его, что это всего лишь сезонная лихорадка, и не затянули с лечением, стал бы он идти на такое?

До тех пор пока эпидемия достаточно серьезна, а времени прошло немало, наверху не станут наказывать его за несвоевременный доклад.

Лян Чжилин строил планы в своей голове и не заметил многозначительного взгляда Линь Ханя.

Пэй Цинъянь привел людей к тому, кто передал приказ, но, к несчастью, тот наотрез отказался признавать свои слова.

Основываясь лишь на одних словах Пэй Цинъяня, ему никто не поверил, и юношу заперли во флигеле уездного управления.

Если не считать самого первого визита, Се Чэнъи больше ни разу не заглянул туда.

Окна были заколочены, во всей комнате стояла крошечная тьма. Пэй Цинъяню казалось, будто он вернулся в прошлую жизнь: снова один в темной комнате, где не уловить ни единого

дуновения Се Чэнъи.

Отчаяние и беспомощность.

Бормотание Пэй Цинъяня постепенно сменилось от «этот слуга не знает...» на «этот слуга виноват, высочество...»

— Этот слуга виноват, император...

— Император, не бросайте этого слугу...

— Этот слуга виноват, этот слуга и вправду во всем виноват.

— Император, не оставляйте этого слугу.

— Этот слуга раскаивается.

Среди глубокой ночи комната погрузилась во мрак. Чжао Цзюань зажег свечу, и вошедший вслед за ним Се Чэнъи слегка нахмурился.

Он ведь даже не допрашивал Пэй Цинъяня с пристрастием, почему же тот дошел до такого состояния?

Лицо Пэй Цинъяня было бледным, губы потрескались, сознание затуманилось. Приблизившись к нему, Се Чэнъи расслышал тихий шепот:

— Этот слуга виноват, император, не бросайте этого слугу...

— Этот слуга раскаивается...

Расслышав слова Пэй Цинъяня, Се Чэнъи мгновенно помрачнел. Протянув руку, он зачерпнул со стола воды и плеснул прямо в лицо Пэй Цинъяню.

Хотя раньше он и догадывался, что Пэй Цинъянь переродился вместе с ним, прямых доказательств не было, и он думал лишь о том, чтобы тот держался от него подальше — тогда и сам он не стал бы сводить счеты с прошлым.

Но почему же...

— Император... — от холодной воды Пэй Цинъянь вздрогнул всем телом и пришел в себя. Поморгав, сгоняя с ресниц капли воды, он наконец открыл глаза и, увидев человека перед собой, радостно засиял, едва приоткрыв губы.

Это обращение «император» прозвучало настолько тихо, что его услышал лишь стоявший ближе всех Се Чэнъи.

От этого слова гнев внутри Се Чэнъи вспыхнул с новой силой. Рука, сжатая в кулак у бедра, задрожала — ему нестерпимо захотелось вцепиться пальцами в чужое горло.

— Ха... — Се Чэнъи силой заставил себя успокоиться и отступил на пару шагов назад. — Чжао Цзюань.

<http://bllate.org/book/22370/2346148>